

Н. А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Литература и вопросы этнокультурной идентичности: тема шаманизма и сюжеты о шаманах в творчестве писателей Сибири *

Литературоведение пока в малой степени учитывает факт влияния шаманизма как определенной картины мира и как парадигмы мышления на формирование творческого сознания писателя, его национальную самоидентификацию, хотя именно мировоззрение автора во многом определяет тематику, проблематику, сюжетику художественных произведений. При изучении младописьменных литератур основной акцент обычно делается на связи этих литератур и фольклора, а влияние шаманизма, основы мировоззрения в традиционных культурах Сибири и одной из важнейших религиозных практик, остается по преимуществу предметом исследования фольклористов, этнографов, антропологов, историков, но не литературоведов. Воздействие шаманской традиции на творчество писателей, представителей разных национальных литератур Сибири отражается в особенностях поэтики художественных произведений.

Ключевые слова: авторы-билингвы, история литератур народов Сибири, шаманизм, сюжет.

Большинство исследований, посвященных шаманизму, – это работы этнографов, историков, антропологов, фольклористов. Они могут и должны быть дополнены материалами на основе анализа художественной литературы: многие произведения писателей Сибири посвящены шаманам, а мировоззрение самих авторов формировалось под воздействием традиционных воззрений народов Сибири на мироустройство, которые были когда-то свойственны и шаманизму, отражавшему их в обрядовой практике. Так сложилось, что литературоведение в недостаточной мере учитывает сам факт влияния шаманизма на мировосприятие и творческое сознание писателя, его национальную самоидентификацию, эстетическую рефлексию, традиционно уделяя основное внимание изучению связей с фольклором [Новик, 2004; Дувакин, 2001].

---

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru)

Однако для понимания поэтики литератур народов Сибири, особенностей эстетического миромоделирования в художественных произведениях понятие «шаманизм» не менее важно, чем фольклор, поскольку именно представления о Вселенной, мироустройстве, присущее шаманизму, может воздействовать на всю художественную систему писателя, включая авторские стратегии изображения шаманских камланий и самих шаманов. Шаманские практики как объект наблюдения и изображения, а также как одно из сильнейших переживаний часто становятся импульсом к появлению в тексте оригинальных средств художественной выразительности.

Помимо того тема шаманизма в национальных литературах народов Сибири значима сразу в двух аспектах.

1. *Писатель сравнивает художественное творчество и шаманские практики как два близких вида деятельности, приобщиться к которым может не каждый, а лишь тот, кто проходит своеобразное «избранничество» и посвящение. Кроме того, писатель, как и шаман, должен обладать особыми способностями и качествами, а также специфическими навыками.*

Свидетельством такого отношения к литературному творчеству можно найти у самых разных авторов. Так, например, современный юкагирский художник и писатель Николай Курилов, публиковавший фантастические рассказы под псевдонимом Окат Бэй в своих интервью постоянно подчеркивает, что он принадлежит к шаманскому роду, а само приобщение к творчеству сравнивает с шаманской болезнью, именно так он отвечает на вопрос известного исследователя Ю. Хазанкович: «Может быть, то, что мы не реализовались как шаманы – всё ушло в наше творчество. Потому что, если шаман не реализует себя, шаман либо болеет, либо умирает. И наше творчество – это отдушина»¹. Для него, юкагирского писателя, наряду с сохранением национального языка (он пишет по-юкагирски), не менее важным фактом, о котором он часто упоминает, является принадлежность к шаманскому роду. Писатель, ощущая себя голосом своего народа, чувствует себя и немного шаманом. Это одна из составляющих его национальной самоидентификации.

2. *Писатель включает в свои книги образы шаманов, сцены камланий, сюжеты, связанные с действиями шаманов, поскольку для него значимой задачей становится сохранение истории и культуры, традиций и быта своего народа. Он ощущает себя его частью, одновременно при этом испытывая вину, чувствуя себя лермонтовским листком, «оторвавшимся от ветки родимой».*

Часто эти авторы пишут по-русски, а потому для них особенно важно найти точки соприкосновения с родной культурой, позволяющие им ощутить себя не только описывающим жизнь своего народа сторонним наблюдателем, в которого они поневоле превращались по мере получения образования в Ленинграде и Москве. Им нужны образы, дающие ощущение кровной связи с народом, к которому они по-прежнему принадлежат по праву рождения. Вертикаль, ведущая к истокам, становится и не столько образом, сколько мироощущением, наверно, именно потому у многих писателей есть книги о детстве, в которых обязательно найдется эпизод камлания и ярких детских впечатлений от него. Тема шаманизма, образы шаманов-предков есть почти у каждого яркого автора.

Вопрос об изображении шаманов, их камланий в художественной литературе, специфике образов шаманов, сюжетах, с ними связанных, пока остается открытым. В советской литературе шаманы обычно изображались как отрицательные персонажи, враги, злобные, запугивающие своих сородичей при помощи различ-

---

¹ «Я – сын последнего юкагирского шамана» // Литературная Россия. 23.02.2015. № 2009/ 41. URL: <https://litrossia.ru/item/3839-oldarchive/> (дата обращения 14.10.2018).

ных фокусов и трюков, угроз, как правило, алчные, стремящиеся завладеть последним имуществом бедняков. Таковыми были, например, в 1960–1970-е гг. персонажи А. Пассара, Ж. Трошева. Однако есть и другие сюжеты, повторяющиеся у разных авторов: о бегстве шамана, об обманных трюках. Та же эпоха, но описанная уже много позже – в 1980–1990-е гг., предстает отнюдь не столь однозначной. Развернутая антирелигиозная кампания, в результате которой многие шаманы подверглись репрессиям, пришлось на начало 1930-х гг.², и в книгах А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и других писателей появляются сюжеты об аресте шамана, о том, как чудесным образом спасаются принадлежности для камлания: так, бубен, изъятый у шамана при обыске и запертый в сейфе следователя, внезапно оттуда пропадает. Есть и сюжеты о том, как шаман возвращается из тюрьмы или ссылки, отыскивает свои поистине драгоценные предметы, тщательно сохраненные другими, и снова начинает камлать. Образ шамана является сквозным для всех периодов развития национальных литератур Сибири и встречается у самых разных писателей.

Подробно изучена тема шаманства и образы шаманов пока только в творчестве мансийского писателя Ювана Шесталова. Е. В. Чепкасов в книге «Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова» (Ханты-Мансийск, 2007) пишет: «Шаманство в творчестве Ю. Н. Шесталова указанного периода бытует в трех вариантах: либо художественно изображается, либо тайнописно проявляется, либо используется как материал для создания художественных приемов, как элемент поэтики» [Чепкасов, 2007. С. 192]. Выказанная Е. В. Чепкасовым мысль относительно творчества Ю. Н. Шесталова будет справедлива и в отношении художественного осмысления темы шаманизма в литературах народов Сибири в целом, с той лишь оговоркой, что у отдельных авторов чаще проявляется какая-то одна из обозначенных возможностей.

В произведениях многих известных писателей часто встречается сюжетная ситуация, когда автор-ребенок впервые присутствует на камлании. Вспоминая детство, писатели словно возвращаются к истокам и воссоединяются со своими предками и народом. Авторские стратегии изображения камланий различны: камлание может быть описано информативно, с опорой на этнографические источники, а может быть художественно изображено как одно из важнейших событий детства, способствующих приобщению к родной культуре. Названные варианты изображения шаманских экстатических практик представлены, в частности, в трех сходных по жанру книгах: «Мне снятся небесные олени» (1987) Алитета Немтушкина, «Маленькая Америка» (1991) Галины Кэптукэ и «У гаснувшего очага» (1998) Еремея Айпина.

Важно, что все три книги написаны как воспоминания о детстве, о той поре, когда происходил слом и традиционный образ жизни коренных народов менялся. В основе каждой – воспоминания о том, как автор был ребенком, как жили, какие традиционные ценности были присущи, какова была обыденная жизнь в суровых условиях, какими людьми он был окружен. С точки зрения достоверности этно-

---

² Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг.: на материалах Хакасии: Дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. Абакан, 2000; Мельникова Т. В. Преследование шаманов в годы советской власти // Государство и личность: политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке: Материалы регион. науч.-практ. конф. 21–22 октября 2004 г. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2005; Она же. Шаманы под запретом власти // Словесница искусств: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды. Журнал Хабаровского краевого благотворительного фонда культуры. 2006. № 1 (17). С. 73–76; То же: URL: <http://www.slovoart.ru/node/1522> (дата обращения 12.04.2015); Волкова М. Г. Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // Книга памяти Красноярского края. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.htm> (дата обращения 12.04.2015).

графических реалий, фольклорных вкраплений в виде пересказов сказок, цитирований песен и др. эти книги очень точны. Недаром, например, книгу А. Немтушкина «Мне снятся небесные олени» используют в Эвенкии на уроках краеведения как источник разнообразных сведений о культуре эвенков. Но книги ценны не только этим. Написанные на русском языке, они являют собой интереснейший и пока малоизученный с точки зрения исторической поэтики феномен. В них доминирует бытовая основа сюжетики, однако там, где автор отходит от простого описания рутинных действий, обрядов, возникают новые литературные сюжеты.

Один из таких совершенно новых литературных сюжетов – изображение камланий глазами ребенка. Автор, будучи взрослым и компетентным, рассказывает о событиях далеких, обращаясь к воспоминаниям своего детства, и показывает камлание шамана глазами несмышленного ребенка, не понимающего до конца (или вообще не понимающего) сути происходящего. Показанное глазами ребенка, через детское восприятие, камлание оживает, позволяя читателю ощутить эффект присутствия и вовлеченности. Подобный прием (показ камлания глазами ребенка) также дает возможность представить сцены камланий «остраненно» – так, как это действо видится людям, не приобщенным к традиционной культуре и не посвященным в семантику обряда. В то же время это попытка вспомнить, воспроизвести те «чистые» детские, еще не замутненные плодами учения и жизни в цивилизации чувства, эмоции повествователя, попытка представить происходившее «как оно было на самом деле», когда культура коренных народов еще была живой, полнокровной и существовала в аутентичном, а не воспроизведенном, «музеефицированном» виде. Таким образом, сюжетная ситуация присутствия ребенка на камлании дает богатые возможности для литературного творчества.

Тем не менее в некоторых сценах камлания при ближайшем рассмотрении обнаруживаются прямые этнографические источники – тексты из архивов ученых, научных публикаций, поскольку авторы уже не застали живых шаманов и обрядов, но им важна память о них, важна связь с традицией своего народа. Тогда главной задачей становится рассказ о людях и быте, культуре, традициях своего народа. С этой целью в книгах подробно описываются шаманские предметы, принадлежности для камлания и даже то, как изготавливается бубен (Немтушкин, Айпин, Кэптукэ). Каждый из авторов с разной степенью полноты стремится дать представление о шамане, его атрибутах, предметах для камлания, порядке приготовления к нему и о самом ходе действия. В итоге получается рассказ для непосвященного, незнакомого с реалиями человека, для зрителя «извне», т. е. повествование адресуется не только читателю, для которого описанная культура родная, но и для читателя, который впервые с нею сталкивается. У такой «просветительской» стратегии есть оборотная сторона: произведение проигрывает в силе художественного воздействия, становясь подробным этнографическим комментарием, изложенным в популяризированной форме.

Так, А. Немтушкин в книге «Мне снятся небесные олени» использует этнографический источник, откуда сцена камлания (около двух страниц текста) заимствована целиком, почти без редакции и литературной обработки: это статья И. М. Сулова «Шаманизм как тормоз социалистического строительства» (1932) [Непомнящих, 2015, с. 78]. Наиболее далек от просветительских целей при описании камлания Еремей Айпин в книге «У гаснущего очага». Рассказ о камлании помещен в главу «Голос бубна» и постепенно превращается в созвучный его ритму текст. Характерные для камлания приемы ввода в трансное экстатическое состояние используются внутри рассказа не только как объект изображения, но и как элемент поэтики, как художественный прием. Повторы, имитирующие ритмичность, заданы анафорами и синтаксическим параллелизмом фраз, начинающихся с возгласов, сопровождающих удары в бубен. Ритм бубна повторяет-

ся в ритмике фраз, в графике текста. Г. Кэптукэ в книге «Маленькая Америка» в описании шамана и камлания (обряд укрепления души девочки) опирается на собственный исследовательский и жизненный опыт.

Время также накладывает отпечаток на характер сюжетов. Не секрет, что при всем желании сохранить традиционную культуру и языки народов Сибири, а иногда и национальную идентичность в эпоху глобализации становится все сложнее. Потому современные герои-носители традиций своих народов – это, как правило, старики. В рассказе «Последняя воля шаманки» А. Немтушкина описывается уход их жизни старой шаманки, у которой нет ученика и которой некому передать свои знания и умения, но перед самой смертью она просит свою дальнюю молодую родственницу по имени Вера помочь ей. Шаманка впадает в подобие летаргии на десять дней, чтобы совершить предварительное путешествие в Нижний мир. Не всем просьба шаманки не хоронить ее раньше времени, до появления характерного запаха, кажется разумной: «Не дай бог, ешкин клен, узнают в райкоме, что мы из-за своих первобытных пережитков не хороним человека, у-у, держись тогда, голову снимут!.. Сейчас строго, шевелитесь!..». Однако воля шаманки была выполнена благодаря Вере, которую та избрала своей преемницей за неимением родных детей. Символично имя девушки – русское, говорящее, именно Вера одна и поверит шаманке, расскажет о ее просьбе не хоронить сразу. Десять дней старуха пролежала в чуме, наконец, окружающие все же решаются. В клубе, куда принесли гроб с телом, старуха вдруг села и «ожила», немало напугав присутствующих. Оказывается, шаманка все десять дней путешествовала, побывала там, «откуда мы приходим». Сразу после рассказа о своем путешествии в Нижний мир она просит похоронить ее на деревьях по старинному обычаю эвенков, речь идет об уже никем не соблюдаемом традиционном захоронении, обещая исчезнуть с места захоронения через год: «...Только не зарывайте меня в землю, а похороните по-старинному, на деревьях. Я уйду в Угу Буга, там мой Маича... Через год приходите посмотреть – меня там не будет...»³. Шаманка просит племянницу помочь ей лечь, после чего сразу же уходит в мир иной, а ее лицо принимает умиротворенное благодное выражение.

Финал остается открытым: «Через сорок дней, перебирая свои вещи в чемодане, Вера неожиданно обнаружила красивый старинный платок, в котором было что-то завернуто. Развернула – шаманский серебряный пояс. Откуда он взялся? Это же вещи старушки Лолбикты. Как они попали Вере в чемодан?.. Уж не знаешь ли это, а может, и духи Лолбикты переселяются в Веру?..». Примечателен здесь сороковой день после смерти, который лишь по русскому поверью является значимым. Вера уже соединяет в себе две разные культуры, и какую именно выберет она, неизвестно: «Прошлым летом парни ради интереса сходили к гробу Лолбикты, висевшему на двух листовницах, отколотили нижнюю доску – пусто. Даже от одежды – ни одной тряпочки. Диво!..». Это последние строки рассказа. Читатель сам волен решать, что это за необъяснимое явление, о котором известно лишь посвященным шаманам, и придет ли на смену последней шаманке Лолбикте Вера, в которой течет эвенкийская кровь того же, что и у шаманки, рода дятлов.

Разумеется, сюжеты о шаманах и камланиях не исчерпываются перечисленными, и в дальнейшем исследование темы шаманизма и изображения шаманов в литературе должно развиваться по следующим направлениям. Во-первых, необходимо выделение того корпуса художественных произведений – как поэтических, так и прозаических, в которых шаманы являются главными действующими

---

³ Немтушкин А. Последняя воля шаманки. Сибирская жуть-2: Сб. рассказов / Сост. А. А. Бушков. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. Здесь и далее цит. по: http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_mr/nemtua11.htm?1/2 (дата обращения 14.10.2018).

лицами, и сюжет выстраивается вокруг них, а также тех произведений, в которых значительное место занимают шаманские образы и мотивы, есть сцены камланий, и они играют важную роль в развитии действия. Во-вторых, изучение и описание самих сюжетов и шаманских образов: выявление их источников, поскольку, помимо жизненного, автобиографического опыта, писатели используют этнографические и иные материалы. В-третьих, в идеале составление словника, каталога, а в перспективе – указателя сходных типологически и генетически родственных сюжетов о шаманах в литературах народов Сибири. Следует при этом помнить, что воздействие шаманизма на литературу не исчерпывается сюжетами, оно гораздо шире, поскольку наряду с фольклором лежит в основе мировосприятия многих авторов, знакомо им с детства, иногда они используют модель мира, присущую шаманизму, в своих произведениях. Современные авторы также рассматривают некоторые шаманские приемы, используемые в камлании, как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают их в литературные тексты.

Исследование национальных литератур по намеченным направлениям позволяет лучше понять особенности этнокультурного самосознания, выраженного в литературных произведениях посредством обращения к национальным темам, обычаям, обрядам, мифологии и фольклору, а также осмыслить роль традиционного шаманизма как мировоззренческой основы, питающей творчество многих писателей, представителей разных национальных литератур, и формирующей отношение к писательству и творчеству в целом как к особой духовной практике.

Список литературы

Дувакин Е. Н. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и Е. Айпина: соотношение «художественного» и «этнографического» в описаниях экстаического транса // Все восторги мира: экстаз в мировом искусстве и литературе. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015. С. 75–85.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 304 с.

Чепкасов Е. В. Художественное осмысление шаманства в творчестве Ювана Шесталова. Ханты-Мансийск, 2007. 184 с.

N. A. Nepomnyaschikh

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, alkat@ngs.ru*

Literature and the issues of ethnocultural identification: the shamanism theme and plots about shamans in Siberian writers' works

In literary studies, little attention has been paid to the influence of shamanism, as the specific world view and mentality, on the formation of the writer's mind and writer's national identification. Nevertheless, it is the author's mentality and philosophy that determine the themes, topics, issues, and plots of his works. When studying the literature of Siberian peoples, scholars usually emphasize the connection between the folklore and the literature of these peoples, while the impact of shamanism, the basis of the traditional world view and one of the most important religious practices in the Siberian cultures, primarily remains the subject of ethnographic, anthropological, folklore, and historical studies. However, it is no doubt that the influence of the shamanic tradi-

tion on the creativity of writers, representatives of various national literatures of Siberia, is reflected in the specific poetics of literary works related to the shamanism theme.

Keywords: bilingual writers, history of Siberian people's literatures, shamanism, plot.

DOI 10.17223/18137083/69/15

References

Chepkasov E. V. *Khudozhestvennoye osmysleniye shamanstva v tvorchestve Yuvana Shestalova* [Artistic interpretation of shamanism in the works of Yuvan Shestalov]. Khanty-Mansiysk, 2007, 184p.

Duvakin E. N. *Shamanskiye legendy narodov Sibiri: syuzhetno-motivnyy sostav i areal'noye raspredeleniye* [Shamanic legends of the peoples of Siberia: plot-motif composition and areal distribution]. Cand. of art diss. Moscow, 2011.

Nepomnyashchikh N. A. Shamanskiye kamlaniya v knigakh A. Nemtushkina, G. Keptuke i E. Aypina: sootnosheniye "khudozhestvennogo" i "etnograficheskogo" v opisaniyakh ekstاتического транса [Shamanic kamlania in the books of A. Nemtushkin, G. Kaptuke and E. Aipin: the ratio of "artistic" and "ethnographic" in the descriptions of ecstatic trance]. In: *Vse vostorgi mira: ekstaz v mirovom iskusstve i literature* [All the raptures of the world: ecstasy in world art and literature]. St. Petersburg, IRLI RAN, 2015, pp. 75–85.

Novik E. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur* [*Ritual and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing structures*]. 2nd. ed. rev. and enl. Moscow, 2004, 304 p.